

ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ МЫ ЕЩЕ НЕ ПРОХОДИЛИ

СОФЬЯ РЕМЕЗ

Родилась в Москве в 1983 году. Окончила отделение истории искусства исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Прозаик, журналист, редактор, сценарист, специалист

по связям с общественностью. Автор рассказов, сказок, повестей для детей и подростков: «Заметки Гоши Нуницына, ученика 4 "А" класса» (2020), «Тихие игры» (2020), «Одиннадцатый год жизни Гоши Нуницына, ученика 5 "И" класса»

(2021), «Алё, это Гоша» (2021), «Лимоната» (2022), «Лампочка и Штанетина» (в соавторстве с Анной Ремез, 2022). Финалист (норотный список) премии Натаева (2022). Состоит в тайном ордене детских писателей «Мыхухоль».

Весь ноябрь мы с Серезкой шуршали листьями, подкидывали их вверх и радовались теплу и солнцу. Точнее, Серезка радовался открыто, а я делал вид, что гуляю с младшим братом, а сам тайком радовался тоже.

К декабрю похолодало, я все больше времени проводил у бабули, ленясь ехать домой после музыки по темноте. Ждал, пока у папы закончится работа и он за мной заедет. Как-то раз вечером бабуля решила разобрать антресоли, а я вызвался помогать. Интересно же, что хранится на антресолях! Бабуля командовала принести стремянку, я взобрался на самую верхнюю ступеньку и раскрыл дверцы. Сокровищ на антресолях оказалось не так много: всего три больших чемодана. А вот пыли было столько, что я немедленно начал чихать.

- Там, наверное, пылица! Не хватало того, чтобы у тебя началась аллергия, – забеспокоилась бабуля.
- Да ничего страшного! Доставать чемоданы? – спросил я, еле сдерживаясь, чтобы не чихнуть снова.
- Они тяжелые, лучше я тебе сейчас передам тряпку, а ты протри все, до чего сможешь дотянуться. Бедный ребенок, какая пыль! Это все твоя мать! Я ее давно просила помочь, но у нее всегда находится повод, чтобы ничего не делать, – бурчала бабуля.

Я не стал спорить. Когда я был маленьким, очень много спорил с бабулей о маме. Но бабуля никогда не слушала меня и продолжала во всем ее винить. Сейчас я понял, что это что-то вроде игры. Кто-то всегда должен быть во всем виноват, а никого ближе мамы у бабули не было. Вот она и...

Я взял у бабули тряпку, встал на цыпочки, но протереть удалось только самый краешек. Тряпка из оранжевой превратилась в темно-серую. Нужно было заново сполоснуть ее. Я потянул за выпирающую ручку, и чемодан с треском пополз на меня.

– Давай снимем!

Дело было, конечно, не в том, что мне так хотелось протереть чемодан целиком. Мне было интересно, что там внутри.

– Там бумаги, а у тебя и так спина кривая из-за рюкзака.

Моя спина была совершенно прямой, но спорить с бабулей – себе дороже. И все-таки я еще немного потянул на себя чемодан. Зазвонил телефон, и бабуля убежала за трубкой. Действовать нужно было решительно: я вытащил чемодан наполовину и начал медленно спускаться на ступеньку ниже, потом еще на одну, а чемодан уже перевалился через бортик антресоли и угрожающе навис надо мной. Наконец я пошатнулся, пытаюсь нащупать очередную ступеньку,

и чемодан с диким грохотом оказался на полу. Через секунду в кухне уже была бабуля и ощупывала меня, будто проверяя, не мне ли на голову свалились ее сокровища.

– Какая же я старая дура! – причитала бабуля. – Если бы он свалился на тебя, я бы никогда себе этого не простила!

– Ну он же не свалился на меня.

Мне не терпелось заглянуть в чемодан.

– Плохая была идея разбирать антресоли с маленьким мальчиком!

– Не такой уж я маленький! Раз чемодан все равно на полу, можно посмотреть, что там внутри? – спросил я как ни в чем не бывало.

– Ничего там хорошего нет! Всякие бумажки старые. – Бабуля уже принесла новую тряпку и протирала чемодан со всех сторон. – Какая пылица! Как мы только не задохнулись тут все?

Я подумал о том, что мы никак не могли задохнуться тут, потому что пыль-то была там, на антресолях, но ничего не стал говорить вслух. С бабулей лучше не спорить, потому что моя бабуля – лучшая спорщица во всем мире. Мама говорит, что это потому, что бабуля – бывшая актриса. Как будто в театральном институте обучают мастерски спорить.

– Начинается! – прислушалась бабуля к телевизору в комнате. Она всегда с интересом сле-

дила за бильярдными турнирами, знала по именам всех игроков и жарко болела за своих любимчиков.

Я решил воспользоваться ситуацией.

– Иди, бабуля, ты иди, смотри! Я сам все протру. И те, дальние, тоже. Залезу глубже и протру. Этот чемодан назад все равно не поднять – тут папа нужен, а он еще не скоро придет!

Бабуля с сомнением оглядела меня, чемодан и приняла решение.

– Ты прав! Его не поднять. Ты правда протрешь?

– Конечно!

– Какой же ты замечательный мальчик! А вот твоя мама мне никогда не помогала! Ни-ко-гда! Знаешь, какая у меня была мечта?

– Какая?

– Я мечтала, что приду с работы домой, а там – порядок! Что твоя мама захочет сделать мне сюрприз и всю-всю пыль сотрет! Или пол помоем...

Последние слова бабуля прокричала из коридора: она удалялась в сторону телевизора.

Я решил сначала покончить с бабулиной просьбой. Залез на самый верх и протер оставшиеся там коробки – не целиком, а уж насколько дотянулся.

В нетерпении я спустился со стремянки и щелкнул зажимами на старом коричневом чемодане. Чемодан был точно таким, какие изображают художники в детских книжках, а вовсе

не таким, с которым мы путешествуем с мамой, папой и Сережкой. У этого старого чемодана не было колесиков и выдвижной ручки, по форме он больше напоминал прямоугольную коробку. Его полагалось не катить, а нести. Видимо, нелегко приходилось путешественникам в прежние времена. Чемодан был заполнен лохматыми стопками бумаг, тетрадей и блокнотов. Некоторые были совсем старые – бумага пожелтела, а на последних страничках был напечатан какой-нибудь древний год выпуска – 1956 или там 1947. Листочки были заполнены текстами, напечатанными на машинке. Я сразу понял, что это незаконченная книжка дедушки Оскара. Книжка была по теории театра и предназначалась для будущих режиссеров. Об этой книжке мне много раз рассказывала бабуля. Дедушка Оскар умер, так и не допечатав книжку. Последние главы были написаны от руки, но, по словам бабули, никто не мог разобрать дедушкиного почерка. Некоторые тетради из чемодана, скорее всего, были дедушкины. Чернильные буквы набегали одна на другую и стремились слиться в тоненькую полосу. Прочитать ничего не получалось. На самом дне чемодана лежала полупрозрачная зеленая папка, а в ней – тетрадка в плотной обложке. Я решил, что и в этой тетради ничего не смогу прочесть, но, к моему удивлению, тетрадь оказалась исписана аккуратным округлым почерком.

Буквы были красивые, как в прописях, по которым мы учились писать в первом классе. Тогда папа помогал мне правильно соединять буквы и страшно ругался, что вся эта каллиграфия в век информационных технологий никому не нужна. Время от времени он призывал маму:

– Я вообще не помню, когда в последний раз брал в руки ручку! Все, что нужно, можно напечатать на компьютере!!!

Сейчас, когда почерк у меня испортился и был не таким уже красивым, как тогда, в конце первого класса, когда мы еженедельно сдавали тетради, заполненные аккуратными буквами и словами, я понимал, что, не будь этой «каллиграфии», наверное, я писал бы совсем неразборчиво. Да и заниматься с папой было очень даже здорово, ведь ради этих округлых букв он специально приезжал с работы раньше. Я скучал по тем временам.

На первой странице тетради с плотной обложкой я прочитал:

Сегодня я решила начать вести дневник и вот, уже на первых страницах, пишу о том, что так

давно меня волнует. Сегодня мне звонил Оскар. Он, конечно, не знает, сколько волнений, сколько страданий причинил мне этот звонок. Несмотря на то, что разговор продолжался всего пять минут.

Писала девушка. А может быть, девочка. Я открыл последнюю страницу и там нашел подпись:

Нина М. Февраль 1941 – август 1941 г.

Под тетрадь в чемодане обнаружил большой конверт, туго набитый маленькими почтовыми конвертиками и просто листочками, сложенными в несколько раз. На конверте дедушкиным неразборчивым почерком было написано «Нина». Я взял тетрадь, конверт и спрятал их в свой рюкзак.

Дома я еле дождался окончания вечерних разговоров, чая и Сережиной сказки. Наконец в квартире выключили свет, и все стихло. Я зажег маленькую лампу, которую мама прицепила к полке, чтобы я мог читать перед сном, и открыл дневник неизвестной мне девочки Нины.

* * *

Перечитываю «Героя нашего времени». Оскар! Даже здесь ты мне помогаешь! Читая письмо Веры к Печорину, я думаю о тебе, так, будто бы я и сама написала тебе такое, если бы стала писать: «Ты можешь быть уверен, что я никогда не буду любить другого. Любившая раз тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин, не потому, чтобы ты был лучше их, о нет! Но в твоей природе есть что-то особенное – тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное...»

Надеюсь, когда-нибудь ты поймешь и оценишь мою глубокую нежность. Ты ведь не станешь презирать меня за это, не правда ли?

Ты не любишь ЕЕ? Ты не женишься на ней?

* * *

Несколько раз видела Оскара, опять с этой маленькой женщиной в голубом пальто с рыжей лисой. Один раз звонил мне по телефону. А сейчас я уже в деревне.

Как рады бабушка и дедушка! Да я и сама тоже рада. Здесь прекрасно: кругом бело, снега много-много, надеюсь, смогу отдохнуть.

* * *

Ты пишешь, что скучаешь... Это только пока мы далеко друг от друга. А вот приеду, и опять начнем ссориться.

* * *

Сегодня я еду в город... Как не хочется! Опять школа, опять преподаватели, опять двойки! Как интересно я провела время в поезде! У меня был удивительный сосед. Мы очень долго беседовали с ним о театре, он очень понимающий человек. Оказалось, он учится в литературном. Как много он знает, как красиво звучит его голос! Я, вероятно, ужасно легкомысленна. Он интересен – и он мне уже нравится. Его зовут Аркадий.

* * *

Как я соскучилась, я уже несколько дней не видела Оскара. Да! Да! Я заложила самолюбие в карман и решила позвонить ему сама. Потом спросила себя: «А что же я скажу ему?» И, увы, ответа дать не смогла. И все равно... С каким волнением я поднимала и вешала трубку и наконец, осмелившись, позвонила и тихим, испуганным голосом попросила: «Будьте любезны, попросите Оскара». И каково же было мое разочарование, когда женщина ответила грубым голосом: «Нет дома, ушел с Дымовым в театр».

С Дымовым! Как много значат для меня эти слова! Да, он был в театре с другом, а не с ней, я успокоилась и тихо заплакала.

* * *

Сегодня звонил Аркадий. Я холодно говорила с ним по телефону. Приглашал в театр. Я поблагодарила, но отказалась, сославшись на усталость, и постаралась поскорее закончить разговор. Он просил разрешения еще позвонить, и я скрепя сердце разрешила. Видела Юру. Как я раньше могла увлекаться им? Теперь мне кажется, что он даже стал каким-то уродливым, хотя на самом деле остался таким же красивым. Дома до слез обиделась на маму. Зачем она мне так говорит, она же знает, что это мое больное место! Я сказала, что удивляюсь Юре, как он может, живя в такой интеллигентной семье, ничем не интересоваться, и добавила: «Как я была глупа, когда он нравился мне», на что мама с иронией в голосе ответила: «Зато теперь твой идеал – умнее умного». Конечно же, эти слова относились к нему, к Оскару. Я готова была зарыдать от обиды, но ответила: «А как ты могла полюбить папашу?» Вероятно, ее это тоже очень задело.

* * *

Ходили с ребятами на Гауптмана. Провожал меня Толя. Он слишком уверен в себе, в своем успехе у девушек, он всячески старался показать

всем, что он мне нравится. Я не вытерпела, мне просто это было неприятно, и, удивляясь себе, без малейшего стеснения, ни капельки не боясь, что об этом узнают, что Толя будет очень огорчен, сказала, что больше всех на свете я люблю Оскара. Я видела, как он изменился, как побледнел, мы были уже у моего дома. Он не ответил мне ни слова, и мы молча попрощались.

Все, что было записано в дневнике аккуратным округлым почерком, не выходило из головы. Пока я чистил зубы, одевался и ковырял вилкой в тарелке с гречневой кашей, пока застегивал куртку, пропихивал ноги в зимние ботинки, натягивал шапку и вызывал лифт, и всю дорогу до школы – я думал об этом дневнике. Казалось, посыпанный реагентом асфальт под моими ногами превратился в ленинградский лед сорок первого года. Тогда дедушке Оскару только исполнилось шестнадцать лет. Она, эта девушка Нина, которая вела дневник в тетрадке с картонной обложкой... Она любила дедушку. Они гуляли по Невскому проспекту в Ленинграде, разговаривали о театре, о книгах, они жили так давно, но казались мне такими близкими и понятными. У них не было мобильных телефонов, не было компьютеров, но они звонили друг другу и писали письма. И даже гораздо чаще, чем мы с Настей звоним друг другу. Нет, не так. Я почти не звоню Насте с тех пор, как она переехала на север. Почему же?

В своем дневнике Нина писала о многих своих одноклассниках и знакомых, время от времени она в кого-нибудь влюблялась, но подробнее всего описывала встречи с дедушкой Оскаром. Какие фильмы они смотрели, о чем говорили. Часто Нина писала о том, что, кажется, театр занимает Оскара гораздо больше, чем она сама. Она возмущалась «детской» манерой Оскара ходить в театр ко второму акту, чтобы, смешавшись со зрителями, которые вышли подышать во время антракта, прошмыгнуть в зрительный зал бесплатно.

В первый раз они поцеловались за четырнадцать дней до начала войны. Дедушка Оскар провожал Нину до дома, не доходя один лестничный пролет до двери Нининой квартиры, они остановились и поцеловались. Вот так просто. Кажется, ничего особенного. Но в дневнике об этом было пять страниц! Целых пять страниц!

В дневнике Нины наступило лето, а вместе с ним началась и война. Нина писала о том, что привыкла к воздушным тревогам. Они с дедушкой Оскаром ходили в театр, и в любой момент

спектакль могли прервать, а зрителей попросить спуститься в бомбоубежище. Это было даже увлекательно.

После школьных экзаменов Нина уехала дышать в деревню Городище Псковской области, но дневник с собой не брала. Наверное, забыла его в Ленинграде. Она уезжала к своему дедушке и переживала о том, что не увидит Оскара.

Он обещал писать мне каждый день, но, конечно, он не станет писать. Никогда у него не бывает на меня времени.

Так часто говорила мне Настя:
– У тебя никогда нет на меня времени.

Следующая запись в дневнике появилась только через месяц. Я все думал о том, что такое произошло в этой Псковской области. Почему так изменился тон, даже почерк Нины.

В тот день я все торопил время. Уроки длились целую вечность, страшно долго ехал поезд метро до музыкальной школы, невыносимо медленно тянулся урок по сольфеджио. Мне хотелось домой. Хотелось залезть в интернет и узнать, не было ли какого-то нападения на Псковскую область летом 1941 года. Я не хотел спрашивать у родителей. Мне казалось, это все только моя история. Моя и моего дедушки. И мне самому нужно было все понять.

В школе мы еще не проходили эту историю. По программе у нас – причины и следствия крестовых походов, а Великую Отечественную войну мы будем изучать только в девятом классе. В девятом классе, когда мне исполнится столько же лет, сколько было дедушке Оскару, когда эта война началась.

Следующие записи в дневнике Нины походили на список дел или перечень событий за день. И все чаще в записях значились ссоры с Оскаром.

Последняя запись была сделана пятнадцатого августа. И в ней Нина была почти такой, как до псковских каникул у дедушки.

Оскар уехал. Перед его отъездом мы встретились и много разговаривали. Он говорил много приятного: о том, как я похорошела, о том, что, если мне не хочется поступать в театральный, – это мое дело. «Но ты очень талантлива, ты должна об этом помнить». Вместо признаний я, как всегда, говорила о том, что он еще больше подурнел, что глаза его уже не такие глубокие и задумчи-

вые, что он осунулся. Он спрашивал, все ли будет со мной хорошо. Я отвечала, что да, конечно, что у меня есть друзья, цель в жизни. Он смотрел мне в глаза – и ничего не понял. Я старалась казаться безразличной и, только когда поезд совсем скрылся из виду, заставила себя сесть на скамейку и задрожала. От холода. От его холода. Он снова говорил, что будет писать каждый день. Думаю, мы больше никогда не увидимся с ним.

Дома я первым делом бросился к ноутбуку и начал гуглить деревню Городище Псковской области Плюсского района и что там было в 1941 году. В дневнике не было ни слова о тех каникулах, а после возвращения Нина ни разу не упоминала своего дедушку.

В Сети мне удалось найти только отдельные факты: очень сильная военная немецкая группа «Север» в начале июля 1941 года начала продвижение к Ленинграду с юга, и первый рубеж обороны наших войск проходил как раз по реке Плюссе. Немцы захватили Плюссу, а двадцать пятого июля, собрав мирных жителей одной из местных деревень, пустили их бежать по минному полю. Чудом люди не пострадали. На поле были заложены противотанковые мины, на которых позже подорвалось несколько немецких танков. Люди ушли в тыл. Их отпустили живыми. Возможно, среди этих людей были Нина и ее дедушка. А может быть, им пришлось прятаться в лесу, умирая от страха. Наверняка Нина увидела или испытала что-то такое, о чем не хотела рассказывать никому, даже Оскару.

Я прочитал все, что смог найти о Плюссе. Дальнейшая судьба окрестных деревень была очень страшной. Жителей расстреливали, вешали, грабили, над ними издевались, их выгоняли из домов, а дома сжигали. Людей убивали, а трупы месяцами оставались на улицах. Их оставляли специально, так нагнетали страх на живых. Есть было нечего, к зиме оккупанты отняли у местных жителей всю теплую одежду. В отдельных документах было сказано, что бывали случаи дезертирства среди фашистов, многие немецкие солдаты хотели окончания войны и возвращения домой. Все это происходило уже позже, в 1942 году, когда Нина была в Ленинграде. До самого конца войны Плюсса была оккупирована фашистами.

* * *

Дальше были только письма, и многое осталось непонятным. Мне нужно было знать больше. На следующий день я впервые в жизни прогу-

лял школу без серьезного повода. Хотя причина у меня была очень важная.

- Мам, можно я сегодня в школу не пойду, побуду у бабули?
- С тобой все хорошо? – Мама обеспокоенно потрогала мой лоб.
- Все отлично. Ты сама говорила, что, если очень хочется, – можно пропустить школу.
- Да, только тебе никогда раньше этого не хотелось.
- Ну вот, а сейчас нужно, понимаешь?
- Ну хорошо.
Мама больше ни о чем не спросила.

* * *

Оказалось, бабуля знает не так много о том времени жизни дедушки Оскара. Это все было за-долго до их знакомства, и дедушка не очень-то любил рассказывать о войне. Я понимал, что нельзя говорить бабуле про Нину, поэтому спрашивал только о том, что касалось жизни самого дедушки в эвакуации и после, на войне.

Дедушку эвакуировали из Ленинграда летом 1941 года. Вместе с дядей они уехали в Казахстан. На этом настояла его мама, моя прабабушка. Школу он не закончил, отправился работать на киностудию «Ленфильм», которую также эвакуировали из голодающего Ленинграда в Алма-Ату.

В Алма-Ате он жил с дядей, без родителей, и вскоре узнал о смерти своей мамы, которая не смогла выехать из Ленинграда, так как город оказался отрезан немцами от остального мира.

Писем в дедушкином архиве оказалось много: больше всего – из Ленинграда, от Нины, я узнал ее почерк, хоть он и был гораздо мельче, чем в дневнике. Листки – совсем маленькие, а текста на них было очень-очень много. Я догадался, что в городе во время блокады было не так уж хорошо с бумагой, чтобы писать просторно. Были и другие письма, написанные дедушкой. Видно, что он старался писать разборчиво, буквы получались почти печатные, но кое-где он сбивался на свою сплошную строчку непонятных закорючек, которые я не мог разобрать. Дедушкины письма были короче, и на листках оставалось свободное место. Мне почему-то это стало обидно. Нина экономила бумагу, а дедушка, значит, слова экономил? Мог бы нарисовать что-нибудь, в конце концов! Как дедушкины письма оказались в чемодане? Значит ли это, что после войны они встретились с Ниной? Иначе как все эти дневники и записи могли вернуться к дедушке?

Ты пишешь, что всегда будешь помнить меня, и я верю, что ты пишешь искренне, но пройдет время, ты не будешь видеть меня – и забудешь. Забудешь, как забывает ребенок свою любимую игрушку, которую потерял, хотя сначала ему очень-очень хочется ее вернуть.

* * *

Мне скучно, Оскар, страшно скучно без тебя! Знаешь, мне хочется написать тебе такое теплое, такое сильное письмо, а я не могу, потому что не умею. Помнишь, мы раньше не могли расстаться и продолжали говорить, когда все уже было сказано и говорить-то было уже не о чем. Вот так же я сейчас пишу тебе, просто чтобы что-то писать, чтобы не расставаться.

* * *

Долго, очень долго нет письма. Ты уже забыл меня? Конечно, ты особенно и не был привязан ко мне. Если бы ты знал, как мне плохо! Ты не знаешь, как я живу, да тебе и неинтересно! Надоело?

* * *

Оскар, ты стал страшно небрежен со мной. Тон твоих писем – все легче, а в последнем ты написал, что не было времени мне ответить, так как был занят осмотром города. Неужели ты не понимаешь, что такие слова обижают меня?

* * *

Совсем разболелась. Вид у меня ужасный. На губе лихорадка, волосы не причесаны, голос грубый – горло болит. Сегодняшнее мое меню: утром чай и кусочек хлеба, в обед суп – совершенно безвкусный, вечером опять чай с кусочком хлеба. Помнишь, как ты говорил, что Алма-Ата – это город яблок? Вот я бы хотела сейчас яблок! Даже не яблок, а одно яблоко. Обещаешь привезти мне что-нибудь вкусное, когда вернешься?

Как же чудесно и странно, что мы скоро встретимся, что скоро опять будем вместе.

Дедушка свои письма писал совсем иначе: о работе на киностудии, о книгах, которые читал, о людях, которых встречал. Он почти не обращался к Нине, в сущности, эти письма могли бы быть написаны кому угодно. Интересные, даже увлекательные, но в них не было того огромного желания увидиться, которое чувствовалось в каждом письме Нины. Писем было много, и первые удавалось прочитать легко, но незаметно дедушка

перестал стараться выводить буквы. Что-то даже писал карандашом по серой бумаге, так что я совершенно ничего не мог прочитать. Наверное, и Нина читала с трудом.

История оставалась неполной! Еще какой неполной! Ведь и спросить больше было некого! В Санкт-Петербурге у нас больше не было родственников, а фамилия Нины ни в одном письме не упоминалась, а значит, искать ее родственников через интернет не получится. Моя мама никак не могла знать больше бабули, а письма невозможно было прочитать целиком. Строчки начинали двоиться в глазах. Я аккуратно сложил письма по конвертам и собирался уже смириться с тем, что никогда не узнаю, что же было после войны. И тут мне на глаза попались два дедушкиных письма. «Дорогой Володя» – так они начинались. Написано было достаточно разборчиво, ручкой, и непонятными оставались только отдельные слова. В конце писем стояли летние даты 1945 года. Я начал читать. Эти письма были как недостающие фрагменты огромного пазла. На минуту мне показалось, что дедушка писал их не своему другу Володе, а мне, своему внуку Гоше, которому, может быть, одному через много лет захочется узнать эту историю.

Дорогой Володя! Последнее время мне бывает часто тяжело, может быть, это хотя бы отчасти извинит перед тобой мое молчание. Ниночка находится в клинике Военно-медицинской академии в очень тяжелом и, как я узнал сегодня, безнадежном состоянии. Во время блокады она получила инвалидность – гипертония на почве перенесенной дистрофии. С тех пор она простужалась от малейшего ветерка. И вот месяц назад слегла с пневмонией.

Врачи говорят, что ей осталось совсем немного, но я продолжаю верить в чудо.

* * *

Дорогой мой Володя!

Вчера все закончилось. Ниночка умерла. Последние двенадцать часов она была без сознания. Когда я сел писать это письмо – думал, будет много-много страниц, а вот и не о чем больше сообщить. И слов подобрать не могу. Мы расстались с ней на три года, а встретились всего на месяц. Я был у нее дома, собрал все ее письма и черновики писем, все дневниковые записи. И я, Володя, больше всего думаю теперь о тех письмах, которых не написал. И о тех встречах, которых не

было. Казалось, есть более важные дела. Успеется. Вот закончится война, и тогда... А не было более важных дел. Не надо было откладывать. А может, и уезжать из города не надо было. Я теперь часто думаю о том, что, если бы я не уехал, может, и мама была бы жива, и Нина. А может, ничего бы это не изменило, только теперь-то я никогда уже не узнаю.

Я все о какой-то ерунде писал Ниночке, думал, это ее развеселит. А она в Плюссе была, с дедом. Как раз когда там все начиналось. И ничего не сказала, и не написала ни в одном письме. Там что-то случилось, я теперь понял. И не у кого спросить. Хочу уехать из Ленинграда. Мне здесь плохо и никогда уже не будет хорошо.

* * *

Я аккуратно сложил письма в конверт и завязал картонную папку на веревочки. Конечно, оставалось еще много непонятного, много того, о чем не писалось писем, на чем не стояли почтовые печати «просмотрено», о чем, может быть, не знали и сами дедушка Оскар, и Нина, и Володя, и все те, кто упоминался на этих выцветших страницах.

Долго еще я не мог, да и не хотел забывать эту историю, найденную мной в бабулином чемодане. Время от времени в голове возникали как будто фрагменты из неснятого кинофильма. История эта обрастала подробностями, деталями, и вот я решил записать.

Раньше я писал только сказки для Сережи. Я нашел и перечитал их все. Чего-то не хватало. Сережке мои сказки нравились. Там всегда все заканчивалось хорошо и поучительно для Сережинного поведения. Полезные были сказки. В истории дедушки Оскара и Нины никакой поучительности не было. Не было и хорошей концовки. Никто не прилетел и не вылечил Нину от пневмонии волшебным сиропом с банановым вкусом. И сам дедушка хоть и жил достаточно долго, но вовсе не был так счастлив, как должны быть счастливы герои детской истории. Впрочем, история эта и не детская вовсе. Я понял, что чем проще была история, тем интереснее у меня получалось ее рассказать или записать. Все сказки для Сережи начинались одинаково. Было что-то вроде надежной готовой схемы. Пролыстывая в книжном магазине «Азбуку писателя» – такой учебник по писательству, я обнаружил, что в своих сказках все делаю верно. У меня был герой, были у него помощники, был антагонист, то есть главный враг героя, между

ними обязательно возникал конфликт, из которого герой выходил победителем. В каждой сказке мой герой, непослушный мальчик Сережа, преодолевал кризис, он менялся, что-то важное понимал и становился лучше, то есть послушнее. Была завязка, кульминация, развязка. И все-таки...

Учебник был написан каким-то умным человеком, но сам этот человек не был писателем. Дома я специально погуглил его фамилию. Кроме нескольких книг о том, как писать книги, он ничего не написал. Больше доверия вызывал у меня Паустовский. А в его «Золотой розе», первой книге, прочитанной мной о писателях, не было никаких правил.

Живая дедушкина история не раскладывалась по стандартной схеме. Во-первых, кто тут герой? Дедушка? Или Нина? А кто антагонист? Блокада, которая разлучила их, или болезнь, из-за которой Нина умерла? Как же герои будут бороться с таким антагонистом, который заведомо сильнее? Ведь никаких волшебных способностей у них нет. Автор учебника настаивал: суперспособность должна быть у каждого главного героя. Но мои герои были обычными людьми. А ведь у обычных людей нет никаких суперспособностей. Вот взять хотя бы меня или Настю. Я неплохо играю на фортепиано и многое замечаю за людьми. Истории рассказываю. А Настя хорошо поет. А еще она слушает мои истории. Она смеется. Но ведь это все не суперспособности?

- Пап, если пишешь рассказ о прошлом, важно ли быть точным? Если не знаешь всех исторических деталей?
- Не знаю, думаю, важно быть просто убедительным. Никто не знает наверняка, что было раньше.
- А как же письма, дневники?
- Ты стал задавать вопросы, на которые у меня нет ответов. – Папа неуверенно улыбнулся. – На такие вопросы каждый должен сам себе ответить.

Я вспомнил сотни вопросов, которыми засыпал маму и папу, когда был маленьким. Мама часто не знала ответов, но папа... папа, казалось, знал все. Иногда он подсматривал какие-то ответы в интернете, но всегда знал, где искать. И вот, оказывается... Я чувствовал себя обманутым. Неужели же так будет и дальше? Часто мне не требовалась помощь, нравилось что-то решать самому, но я всегда помнил, что, если не получится, всегда есть кому помочь. Вечером я плотно закрыл дверь в свою комнату, открыл на ноутбуке вордовский файл. Это была первая страница моего рассказа.

Чистая страница. Долго вглядывался в нее, надеясь, что история начнет оживать в моей голове...

Я проснулся от стука в дверь. За окном было совсем светло, и луч солнца поделил комнату на половинки. Я все еще сидел перед ноутбуком, экран погас, а первая страница так и оставалась чистой.

Когда-нибудь, когда мы пройдем на уроках войну и я узнаю больше, обязательно напишу рассказ, а может быть, и целую повесть.

А сейчас был только один человек, которому мне хотелось рассказать эту историю. И человек этот хоть и был далеко, а все же гораздо ближе, чем мне казалось раньше.

